

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1125-1139. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1125
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East

Tatiana I. Troshina ^{a, *}, Natalia S. Avdonina ^a, Maksim Yu. Zadorin ^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article is based on the large amount of archival materials dealing with the problem of preserving the borders of Russian territories in the context of state crisis. The object of the study is the European Russia northwestern territories, which attracted the interest of the nearest neighbors having their fishing resources. Ethnic groups living in the western part of the area, retaining their cultural identity, were gradually included in the Russian super-ethnos, which was accompanied by the governmental policy. The economic development and settlement of the western part by immigrants from neighboring states created the danger of a gradual separation of these territories – first of all, cultural and economic, and then political separation from the Russian state.

Governmental activities were aimed primarily at protecting political boundaries. At the same time, the first decades of the twentieth century gave many examples of the loss of the state border territories by the weakened state formations on the basis of various «plebiscites». Therefore, the preservation in the «disputed territories» of the representatives of the titular nation, their economic independence and sovereignty became the most important factor of the state integrity. In the article, this thesis is confirmed by comparing the economic situation of the population of the northern territories of the Arkhangelsk Gubernia in the relatively prosperous period of the second half of the 19th and the beginning of the 20th century, and in the extreme conditions of the potential destruction of statehood, (taking as an exploratory «site» the events of the military revolutionary era (1914) -1920) and the early stage of the «New Economic Policy»).

Keywords: borders of the Western Sector of the Russian Arctic, border areas of the Arctic Ocean, economic policy, pomor trade, Arkhangelsk Province

1. Введение

«Легче захватить, чем удержать» – эту фразу Н. Макиавелли можно интерпретировать в различных аспектах. Другие государства, относительно легко завоевав территории, немало сил тратили для покорения населяющих их народов. Для России особым «врагом», создающим сложности при освоении вновь «приращенных», обычно безлюдных или малозаселенных земель был природно-климатический фактор, создававший специфические трудности для жизни и деятельности русских людей. «Сберечь население», которое своим повседневным трудом, направленным на удовлетворение основных жизненных потребностей, осваивало и делало эти земли поистине «русскими», было труднее, чем построить крепости и «запереть» внешнюю границу.

Тема данной статьи – рассмотреть проблему сохранения Крайнего Севера Европейской России в рамках политической границы с точки зрения сохранения здесь автохтонного, «укорененного» русского населения, а значит, и легитимации «прав» государства на эти территории. Риски потерять население возникли в период интенсивной модернизации и индустриализации, и были связаны с

* Corresponding author

E-mail addresses: t.troshina@narfu.ru (T.I. Troshina), n.avdonina@narfu.ru (N.S. Avdonina), m.zadorin@narfu.ru (M.Yu. Zadorin)

конкуренцией опасных для жизни и со временем малопродуктивных промыслов с более надежными и гарантированными фабрично-заводскими заработками.

Расширение Русского государства на территории, казалось бы, совершенно неприспособленные для жизни и деятельности носителей аграрной культуры, происходило усилиями «пассионариев». Ставшие русскими, новые земли в различные периоды истории оказывались то источником необходимых ресурсов, то досадной обузой для государства. Но «сбрасывать» такую «обузу» государство не спешило, неся определенную историческую ответственность за непривлекательные в климатическом отношении земли и проживавшие здесь народы.

Побережье морей Северного Ледовитого океана (СЛО – далее) русские освоили в связи с тем, что отдельные группы пришедших сюда в раннесредневековую эпоху «ватажников» осели и занялись несвойственными носителям аграрной культуры занятиями – промыслом морского зверя и рыбы. Так Русское государство обзавелось огромными и слабозаселенными территориями; 72 % всех границ Российской Империи были морскими, из которых «около 58 % - только проходимые воды Северного Ледовитого океана» (ГАРФ. Ф. Р6764. Оп. 1. Д. 80. Л. 10).

Ценность для государства территорий, выходящих в открытый океан, была осознана в годы Первой мировой, а затем и Великой Отечественной войн, поскольку местные порты оказались единственными, через которые возможно было осуществлять товарообмен с союзниками. В годы «холодной войны» арктические территории приобрели особое стратегическое значение: в публичном дискурсе можно было встретить фразу «Кто владеет Арктикой – владеет миром!».

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе комплекса источников, прежде всего неопубликованных документов, хранящихся в архивах Российской Федерации, аналитических и информационных публикаций в газетах и журналах, выходящих в первые десятилетия XX века в Архангельске, и записок чиновников и путешественников. Эти источники отражают ситуацию с заселением и освоением прибрежных территорий Северного Ледовитого океана Европейской России. Природные условия создали здесь своеобразную хозяйственную культуру русских поморов; традиционными видами деятельности занимались коренные народы, проживавшие на этих территориях. В условиях истощения природных ресурсов, а также последствий модернизации возникла проблема потери и без того малочисленного русского населения, замены его колонистами из соседних стран и постепенным присоединением этих территорий на основании этнического фактора.

Сравнительный диахронный анализ, построенный на изучении архивных документов и других источников, отражающих социально-экономический контекст политических событий второй половины XIX – первой четверти XX веков, показывает неуспешность сохранения на северных территориях русскоподданного населения путем предоставления льгот и различных видов экономической поддержки. Экстремальные исторические обстоятельства, сокращающие патерналистские усилия властей, вкупе с экономической необходимостью, требующей восстановления традиционных и достаточно архаичных способов поддержания жизнедеятельности, создают более прочный фундамент для сохранения населения на этих территориях. В результате, снимаются и опасения экономического и культурного поглощения приграничных районов со стороны соседей.

3. Обсуждение

Экономическая непривлекательность прибрежных территорий Северного Ледовитого океана Европейской России способствовала развитию потенциальной опасности потерять население в этой местности, что ставило задачу сохранить данные территории в границах России политическими методами (Попов, 2012; Федоров, 2017). «Подталкивали» власти к действиям не только государственные интересы, но и общественная инициатива. Эти стороны вопроса изучал и один из авторов данной статьи, придя к выводу о низкой результативности предпринимаемых властью мер (Трошина, 2015; Трошина, 2011; Zaikov, Troshina, 2017).

Представленные в данной статье материалы показывают, что стремление государства оказать поддержку населению отдаленных и теряющих экономическую перспективу регионов «цивилизованными способами» (путем льгот, оказания различного вида консультативной помощи, финансирования разнообразных программ) вело лишь к развитию иждивенчества и потребности в патернализме со стороны власти. И напротив, экстремальные обстоятельства способствовали самоорганизации населения, возвращению к экономическому самообеспечению территорий, в результате чего вопрос об их государственной принадлежности снимался сам собой.

4. Результаты

Так называемые «поморские промыслы», когда-то сделавшие северную окраину России относительно населенной и при этом зажиточной, стали терять свое значение уже в первой трети 19 века. В предыдущие два-три века здесь сложилась своеобразная культура, совмещавшая элементы аграрной: деревни, как правило, располагались в лесной части Русского Севера, и значительная часть населения – женщины, отошедшие от промыслов старики и подростки – занимались земледелием и

скотоводством) и промысловой культур, при которой мужчины направлялись на побережье на время поморских занятий. На побережье Белого моря, при устьях впадающих в заливы рек, обеспечивавших население пресной водой, появилось несколько относительно больших поморских сел, жители которых занимались преимущественно промыслами, а хлеб и сырье для изготовления тканной одежды закупали в центральных районах страны.

На восточном побережье Белого моря поморы занимались преимущественно рискованным, но достаточно прибыльным промыслом морского зверя.

Наиболее удобное для занятий морским рыболовством Мурманское побережье для круглогодичного проживания было мало удобным, поэтому сюда промысловики, совершая длительные переходы, приходили только весной. По словам финского путешественника, встреченные им во время путешествия в 1839 году по Мурманскому берегу промышленники представляли собой «полчища странствователей к Ледовитому морю ... [которые] шли толпами в 20, 30 и даже 50 человек - мужчин, женщин, стариков, молодых парней и девушек. ... Толпы эти шли с песнями и криком, а лица большей части выражали удадь и отвагу» (Кастрен, 1999: 122). Примерно такую же картину описывали и архангельские губернаторы, встречавшие во время объездов вверенных им северных уездов поморские «ватаги». Совершая в 1840 году ревизию «Кемского, Кольского и северной части Онежского уездов, которые по суровости климата хлебопашеством заниматься не могут и содержатся одним рыбным промыслом», на пустынном Мурманском побережье губернатор П.В. Степанов «нашел до 600 человек, кочевавших на открытой равнине и ... нуждавшихся в продовольствии, потому что более чем на сто верст кругом от этого места не существует ни одного селения» (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т.2. Д. 189. Л. 8, 60б.-7).

Командированного на Мурман чиновника «поразили поморы... Какой рост, сила, какие красивые лица и стройные фигуры! Настоящие русские богатыри... До Лапландии промышленники идут на своих или нанятых дома лошадях, а дальше идут пешком. В... лопарских деревушках... иные пьянствуют и безобразничают, как новобранцы. На Мурмане их ждет суровая жизнь, полная трудов и лишений» (Ломберг, 1911: 31, 33-36).

Чтобы хоть немного облегчить поморам долгий путь к промысловым районам, на государственные средства были выстроены ночлежные дома. С 1875 годов при поддержке центральных и губернских властей стали осуществляться регулярные пароходные рейсы вдоль побережья, что существенно облегчило и удешевило доставку рабочих на промыслы.

Однако эти меры не остановили падения доходности промыслов к середине 19 века. Количество желающих участвовать в них стало сокращаться; многие жители поселений, традиционно занимавшихся морскими промыслами, нашли возможность зарабатывать на фабрично-заводских предприятиях, на рубке и сплаве леса. Причин упадка было достаточно много, но особо следует выделить конкуренцию со стороны северных норвежцев, которые оказались предприимчивее русских. Обладая более совершенными промысловыми судами и снастью, имея возможность благодаря проходящему возле их побережья Гольфстриму выходить на промысел раньше, они «перехватывали» идущую косяками рыбу, фактически не оставляя добычи русским промышленникам. Как отмечалось, Мурман, не имея оседлого русского населения, «совершенно беспрепятственно эксплуатируется промышленниками-норвежцами», которые начали здесь расселяться с середины 19 века и «хищнически распоряжались здесь китовыми и звериными промыслами, наживая крупные состояния» (Сосновский, 1909: 7-8).

Высылаемое с Балтики на летний сезон в северные моря судно «Бакан» не могло обеспечить полную сохранность русских территориальных вод, куда заходила треска, и норвежцы почти безнаказанно занимались здесь незаконным промыслом, лишая дохода русских поморов.

В первую очередь беспокойство вызывала северо-западная часть российской территории, слабо заселенной, экономически, а иногда и культурно тяготеющей к небогатым соседям, норвежцам и финнам (последние, хотя и входили в состав Империи, но обладали широкой автономией и имели тенденцию к расширению своей территории за счет российских земель), которые были жизненно заинтересованы в получении доступа к промысловым ресурсам Русского Севера (Zaikov, Tamitskiy, 2016; Zaikov, Tamitskiy, 2017).

«Внимание высшей архангельской администрации было обращено на Мурманский берег лишь после Крымской войны», когда появилась мысль «о пользе заселения Мурмана в видах развития там земледелия выходцами из Норвегии» (Ануфриев, 1913: 154-155). Норвежская колонизация была остановлена и заменена на преимущественно русскую только серией законов 1874–1876 годов.

Определенную опасность постепенное проникновение на территорию Архангельской губернии было связано с тем, что Русское государство потеряло контроль над частью своих северо-западных территорий, которые в 1826 году вошли в состав объединённого королевства Швеции и Норвегии (Zaikov, 2018; Zaikov, 2018a; Zaikov, 2016; Карелин, Заиков, 2016; Goldin et al., 2015; Нильсен, Заиков, 2012).

Со второй половины XIX века Шпицберген (русский «Грумант») фактически контролировался и осваивался норвежцами, что де-юре было закреплено в 1920 году. После Революции 1917 года вставал вопрос о передаче части Кольского полуострова Финляндии, на том основании, что здесь проживали «этнографически близкие» финнам народы; на протяжении почти всего 19 века финские

исследователи занимались историческими и лингвистическими исследованиями, находя доказательства «финского» присутствия на северных территориях России. (Отметим, что им не удалось увидеть «финский след» в культуре самоедов – ненцев, поэтому претендовать на богатые ресурсами восточные территории Европейского севера России и север Западной Сибири оснований у них не было). Но среди других народов, которых они считали себе близкими (саамы-лопары и особенно корелы), проводилась большая культурная и образовательная работа, которая и стала причиной ряда эксцессов в постреволюционный период.

Создавшаяся угроза «культурной» потери западного побережья Кольского полуострова и опасение потерять контроль над удаленными и островными территориями Северного Ледовитого океана, которое прежде всего высказывали архангельские губернаторы, выполняя таким образом наложенную на них ответственность «начальников губернии», привело к программам по привлечению сюда русскоподданных колонистов. Норвежцам и другим иностранцам разрешалось селиться на Мурмане и пользоваться всеми предоставляемыми льготами при условии получения ими русского гражданства (при этом знание русского языка было не обязательным, в результате чего новоселы только формально становились «русскими подданными»).

Поскольку «пограничная окраина ... требует предпочтительно заселение русскими элементом» (Сосновский, 1909: 7-8), потенциальным колонистам с 1860-х годов выделялись деньги на переезд, строительство дома и обзаведение хозяйством; они освобождались от воинской службы и получали возможность беспопытной рубки леса. Однако все эти льготы не сделали Мурман привлекательным для русских крестьян. «Лучшие места» были уже заняты иностранцами, перешедшими в русское подданство и на этом основании пользовавшимися теми же льготами. Нередки были случаи, когда крестьянин из южных уездов Архангельской губернии оформлял «колонистом» своего сына, который, получив льготу от призыва, продолжал жить у себя дома. В связи с этим в 1895 году по распоряжению губернатора и МВД была проведена своеобразная «чистка» колонистов (ГААО. Ф. 51. Оп. 18. Т. 1. Д. 944).

Предложение губернатора И. В. Сосновского усилить привилегии для русских и отменить их для иностранцев, которых при этом ограничить в праве выбора места проживания, предоставив назначение земельных участков властям (Сосновский, 1909: 11-12), услышано не было. Можно предположить, что правительство не желало по такому, на первый взгляд, незначительному поводу вступать в конфликт с более слабым северо-западным соседом, но у общественности было другое мнение. Поддержка государством экспедиций для изучения в первую очередь привлекательных для иностранных промысловиков территорий Русского Севера (западное побережье Мурмана, архипелаг Новая Земля и др.) рассматривалось профессором Московского университета зоологом Н.Ю. Зографом как действия в интересах иностранных предпринимателей. Например, построенная вдоль мурманского побережья телеграфная линия, которая позволяла максимально быстро передавать информацию о движении рыбы, больше была затребована норвежскими и английскими моряками, чем местными промысловиками, занимавшимися традиционными формами рыбной ловли (Зограф, 1909: 19-20, 23-24).

Правительственные органы особое внимание уделяли заселенности и экономическому развитию приграничного Мурманского побережья и так называемого Летнего берега (западного побережья) Белого моря. Как уже указывалось, эта политика началась после Крымской войны, выявившей проблемы обороны практически незаселенного побережья. В связи с падением промыслов и потерей традиционных заработков к началу 20 века основным занятием населения западной части Беломорья была разрешенная правительством беспопытная торговля с норвежцами, а именно: обмен сибирского хлеба на выловленную северными соседями (нередко в русских территориальных водах) треску.

Экономическая поддержка требовалась населению и восточной части арктического побережья Европейской России.

Причинами наметившегося во второй четверти – середине 19 века упадка звериных промыслов, в том числе в районе островов СЛО, называли удаленность от Гольфстрима российских портов, в результате чего русские промышленники опаздывали с выходом в море на полтора-два месяца, все более и более уступая промыслы предприимчивым иностранцам. Великий князь Алексей Александрович, посетив архипелаг Новая Земля в 1870 году, выделил личные средства для строительства здесь избы, в которой русские промышленники могли бы остаться на зимовку, чтобы раньше выходить на промысел.

Эта идея оказалась малоперспективной, и уже через несколько лет встал вопрос об упразднении зимовья, затраты на которое были слишком велики: предполагалось содержание нескольких ненецких семейств, которые присматривали за строениями; финансирование специальных паромных рейсов, доставлявших на Новую Землю необходимые для промысловиков и для ненцев припасы. Тогда вопросы поддержания промысловиков на Новой Земле взяла на себя губернская администрация. Было решено создать здесь постоянное поселение; при этом русские жители губернии не рисковали зимовать на острове даже за большую материальную поддержку. На острова стали переселять ненцев, при этом решалось две задачи: создание постоянного поселения из

подданных русской Империи и изоляция ненцев от разоряющих их контактов с русскими и коми торговцами.

Несмотря на ряд сложностей, связанных как с природно-климатическим (например, с 1898 году периодически возникали природные катаклизмы: из-за отсутствия ветра не подгонялся лед, а значит, не было и зверя ([Остров..., 1909](#)), так и политическим факторами (в годы Первой мировой войны возникали сложности из-за опасности немецких мин и подводных лодок, с направлением на Новую Землю пароходов со снабжением; в годы революции и гражданской войны эта ситуация еще более усугубилась), на островах сложилось немногочисленное, но относительно устойчивое население, увеличивавшееся в период промыслов за счет охотников с материка.

В 1880-е годы, во многом благодаря деятельности архангельского губернатора, а впоследствии сенатора Н. М. Баранова, который инициировал ряд долговременных мер по развитию производительных сил края, центральные власти обратили внимание на северные окраины. В 1881 году Кабинет министров принял «Положение» по вопросу колонизации Мурмана и Новой Земли. Переселенцам предоставлялись различные пособия на обустройство и льготы. К примеру, новоземельские колонисты на 10 лет освобождались от всяких налогов. Введенное в качестве «опыта», это положение продлевалось каждые пять лет вплоть до Революции ([ПСЗРИ. Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 277](#)). Интересно, что Н. М. Баранов начал созывать своеобразные «съезды поморов», чтобы услышать их мнение о развитии промыслового хозяйства. Такие съезды собирались до 1917-1919 годов.

Местные власти не только стремились создать условия для русской колонизации отдаленных приморских районов, но и предпринимали другие организационные усилия. В частности, по обеспечению транспортного сообщения с побережьем, что удешевляло бы доставку рабочих на промыслы и вывоз продукции в центральные губернии. С этой целью местному пароходству предоставлялось оплачиваемое из казны «государственное задание» по организации срочных рейсов вдоль побережья и к островам СЛО; планировалось строительство мурманской железной дороги (впрочем, осуществленное только в годы Первой мировой войны).

Возникает закономерный вопрос – почему все предпринимаемые усилия и затратные меры не приносили ожидаемых результатов?

Исследователи русской культуры вообще и поморской в частности отмечают гибкость последней на ранних этапах ее формирования, способность «к усвоению и даже прогрессивному развитию навыков ведения хозяйства в новой для себя ландшафтно-климатической ситуации» ([Культура русских поморов..., 2005: 10](#)). Со временем для населения стали важнее консервативные формы, и в результате – если в других регионах модернизация вела к отмиранию архаических традиций, то на Севере она имела не-стереотипные последствия, а именно, воспроизводство устоявшейся уже и проверенной временем культурной традиции ([Культура русских поморов..., 2005: 10, 35](#)).

Архангельские губернаторы были склонны видеть причину такого консерватизма некогда отличавшихся особой предприимчивостью и склонностью к инновациям поморов в «тупости и негодности административного элемента», что создает особые сложности для народной инициативы. При этом, по словам губернатора А. Г. Казначеева (1866), «воскресить и поднять на Севере промыслы, торговлю, мореходство – это такие задачи, которые испугают ... самого гениального администратора. ...Администрации в этих делах приходится только стараться не мешать – порою помогать, а творчество принадлежит народу» ([Жилинский, 1919: 248](#)). Губернатор кн. С. П. Гагарин, отдавая должное труду северного крестьянина, отмечал, что «Нигде результат труда не соответствует столь мало затраченным усилиям» ([Козмин, 1913: 1045](#)).

В эпоху Великих реформ внимание властей стало особенно активно обращаться к положению крестьян в самых отдаленных районах государства. Возможно, под влиянием общего «народолюбия» той эпохи все беды населения стремились объяснить бездеятельностью чиновников на местах и давлением «кулаков». Это касалось и «малых» народов – самоедов (европейских ненцев), лопарей (саами), карелов, которым стремились предоставить новые льготы и одновременно максимально изолировать от предприимчивых соседей. В записке Архангельского губернатора «Об устройстве крестьян и крестьянского управления (1870)» отмечается, что «в числе причин бедности лопарей, самоедов и вообще недостаточных крестьян служит давление монополистов-кулаков, которые, пользуясь нуждой, приобретают труд рабочих за бесценок, и вследствие этого заработка недостаточна для удовлетворения самых необходимых потребностей» ([ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 267. Л. 71-73](#)). При этом природные богатства края, в частности, Кемского уезда, позволили бы местному населению жить зажиточно, обеспечивая свои потребности и уплачивая подати; однако «почвенные и промысловые богатства не разработаны ... Громадные залежи болотной железной руды..., значительные пространства медной руды – ...все пока не приносит населению пользы вследствие отсутствия капиталов и предпринимателей. Кораблестроение и каботажное плавание развито слабо, выварка соли производится допотопными способами с громадным потреблением дров, соленье рыбы не удовлетворительное и рыбные промыслы находятся в руках монополистов; вывозка и сплав леса тоже; изделий из лесных материалов не существует; а также нет попыток к открытию новых

промыслов или вообще новых источников для заработков; школы пусты ...; а пьянство и леность развиваются заметно» (ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 267. Л. 71-73).

Более близко находящиеся к поморам чиновники видели причину в склонности населения к традиционным, проверенным временем экономическим и социальным формам. Отмечая усилия губернских и центральных властей, «инициативу, идущую свыше», причину неудач всех начинаний они объясняли пассивностью самого населения («Целое десятилетие рядовые промышленники-поморы жаловались, что им нет помощи для обзаведения хорошим судном, как у норвежцев, что они охотно обзавелись бы моторами, если бы правительство могло им, но как только желание их приблизилось к реальному осуществлению, они спасовали, испугались перспективы самостоятельности и артельной солидарности, и один по одному начали отказываться от помощи..., ссылаясь на обременительные условия, выставяемые Госбанком, и вообще нежеланием иметь дело с банком как учреждением формально-сухим, не вникающим в нужды промышленника ...») (Мухин, 1913: 977).

Несмотря на все усилия правительства, в начале XX века на Мурмане проживало всего 235 семейств русских колонистов. Губернский чиновник и активный исследователь северных богатств В. Држевецкий рисовал безрадостную картину их жизни: «Не желая и отчасти не имея возможности заниматься морскими промыслами, колонисты представляют собой, за единичными исключениями, никуда не годный элемент отбросов общества, не способными ни к какой созидательной работе»; «большинство влачат жалкое существование нищих, полуголодных, больных цингой, закабаленных экономически местными фактористами выходцев из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Единицы из них ... поддерживают сносное человеческое существование». Их поселения - «полуразвалившиеся лачуги, а иногда и низкие донельзя грязные землянки и дырявые карбаса около них», что производило особенно гнетущее впечатление по сравнению «с чистенькими, а иногда и богатыми строениями западных колонистов-норвежцев и финнов» (Држевецкий, 1910: 7, 10). По мнению Држевецкого, меры, предпринимаемые правительством для подъема экономики русских переселенцев на Кольском полуострове, были недостаточны.

Особое внимание к русским колонистам не было ими использовано для повышения собственного благосостояния, но создавало дополнительные сложности для иностранцев. К примеру, в 1895 году статистикой отмечалось, что из 12 выбывших семейств колонистов шесть «бежало» (как указано в документе) в Америку (ГААО. Ф. 51. Оп. 18. Т.1. Д. 779).

Бедность русского населения пытались объяснить и влиянием «кулаков», которые экономически закабалили население, применяя традиционные формы зависимости («Крепкие хозяева так же крепко держатся за своих людей, как держались их деды и прадеды, и дух времени мало коснулся их»), и не желали их изменять, «несмотря на сильную конкуренцию с запада в промысловом деле...» (Мухин, 1913: 977). Вместе с тем, именно «кулаки», то есть предприниматели, как правило, из местных промысловиков-судовладельцев, поддерживали хозяйственную деятельность в поморских территориях, что показали события 1917–1920-х гг.

Ретроспективный взгляд на колонизацию северных окраин создает другое впечатление: чем больше льгот предоставляло государство, тем меньше население стремилось самостоятельно поднимать свою экономику, предоставляя (не без помощи различных «народолюбцев» и по совместительству критиков любых действий правительства) все новые версии причин своих бедствий – от происков иностранных колонистов и своих «мироедов» до недостаточной поддержки со стороны государства.

Следует учитывать и то, что конъюнктура складывалась не в пользу «севера». Быстрые темпы индустриализации давали населению относительно надежные, не связанные с такими рисками заработки; внимание государства было направлено на, как казалось, более перспективные территории юга и запада страны.

Внимание к северу и его перспективам не уставали подчеркивать архангельские губернаторы; периодически, прежде всего в связи с патриотическими порывами, такие настроения охватывали и местную общественность (подробнее см.: Федоров, 2015). Понимание, что просто расширением льгот для воспроизводства поморами традиционных экономических форм помочь им невозможно, присутствовало у общественности. Отмечалось, что важнее создать условия для модернизации флота и самих способов лова, опираясь на пример норвежцев, которые в худших промысловых условиях добились больших результатов (Несколько слов..., 1911).

Многие идеи общественности получили шанс реализоваться с связи с Революцией 1917 года. Однако ей предшествовало три года войны, резко изменив приоритеты государства в отношении «отдаленных окраин».

Безлюдный Кольский полуостров стал заселяться рабочими, прибывшими сюда для строительства Мурманской железной дороги и нового незамерзающего порта. «Держали» их здесь возможность получения льготы от призыва в действующую армию и приличный паек, который особенно в голодные 1918-1919 годы привлекал большое количество приезжих.

Поселки вдруг построенной в 1917 году железной дороги заселялись уголовниками, согласившимися на сокращение срока наказания в обмен на поселение вдоль северного участка Мурманской железной дороги (ГААО. Ф. 4097. Оп. 1. Д. 14).

Отток искусственно сформированного здесь населения начался сразу после Революции, приостановился в годы Гражданской войны, и особенно усилился после ее окончания.

И все же военный период подтолкнул решение самой болезненной для освоения края проблемы – транспортной.

Здесь следует сделать небольшой экскурс в историю. Неповоротливость государственной машины и при этом опасение местной самодеятельности вели к тому, что возможности для промыслов к началу XX века оказались хуже, чем за век и за два до этого. Например, важнейшей причиной экономической неразвитости Крайнего Севера и Сибири становилась слабая сеть путей сообщения, при том, что в 17-18 веках здесь было активное движение, которое пытались восстановить в 19 веке различные энтузиасты.

Так, ижемский крестьянин Акакий Артеев в 1853 году предложил соединить Печору с Обью через сеть небольших рек. Он лично убедился в возможности такого пути, когда «за неимением сухого пути направил по пути водному в тысячу верст своего сына на судне с 2 рабочими людьми» (ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-10); однако власти не заинтересовались этим проектом. Известный северный предприниматель М. К. Сидоров в 1876 году предлагал восстановить старинный торговый путь в Западную и Восточную Сибирь, для чего просил разрешения устроить на свои личные средства канал, соединивший бы реку Таз с бассейном Енисея. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков «ответил, что если бы канал был нужен, то построили бы его и без господина Сидорова. А так как канал совершенно не нужен и проводка его на севере невозможна», резолюция была – «отказать» (ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-10). Мотивация противников подобных проектов была, как ни странно, связана с заботой о местном населении, которое и без того страдало от различного пришлого элемента, высылаемого на Север и в Сибирь. Новые транспортные пути облегчат бродягам проникновение в отдаленные территории, которые будут терроризировать немногочисленных местных жителей (ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).

С одной стороны, пришлый элемент, действительно, создавал для населения неудобства (к примеру, крестьяне вдоль линии строительства Мурманской дороги стали запирают свои дома от «лихих людей», чего прежде никогда не делали). Но с другой – транспортное строительство создало населению новые возможности для реализации продуктов своих промыслов, соединив более быстрым способом промысловые районы с центральным потребительским рынком.

В связи с политическими обстоятельствами происходило и восстановление заброшенной в предыдущие годы транспортной системы. Оказались затребованными заросшие каналы и забытые в связи со строительством в конце XIX века Архангельской железной дороги сухопутные дороги. Например, зимой 1915/1915 годов, когда речные и железнодорожные пути использовались для вывоза из Архангельского порта военных грузов, была реанимирована старая гужевая доставка по столичным трактам, позволившая разгрузить порт от гражданских грузов и создавшая возможности местным промысловикам для реализации своей продукции на внутренних рынках. В период Гражданской войны заработала устроенная за несколько лет до этого, но почти не эксплуатировавшаяся «зимняя» дорога Мезень – Архангельск, поскольку это был прямой путь по территории Северной области, без соприкосновения с «красными» волостями. Оказался задействован уже забытый путь через Печору за Урал; им пользовалось белое правительство в Архангельске для контактов с А. В. Колчаком. После восстановления в Архангельске советской власти не только морской, но и сухопутный путь в Сибирь продолжал использоваться для доставки хлеба и других целей. Так, весной 1920 года этой дорогой отступили вытесненные сибирскими повстанцами («белобандитами») в пределы Архангельской губернии члены Северного партизанского отряда с семьями (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1262. Л. 12); обратно они возвращались уже более комфортным морским транспортом.

Итак, транспортная доступность к рынкам сбыта во время войны улучшилась. Но возник ряд других трудностей для занятий промыслами.

Значительное сокращение промыслов произошло в связи с мобилизациями людей и судов (последние использовались для траления мин), с опасностью плавания в северных водах в связи с действиями там немецких подводных лодок, а также – с появлением новых видов заработка для крестьян. Поморы, к примеру, сдавали трюмы своих стоящих у причалов судов под жилье для многочисленных приезжих рабочих.

Первая мировая война способствовала нарушению сложившегося товарообмена (когда промышленники реализовывали свою продукцию на российском рынке, а рыба, ловля которой лучше получалась у норвежских моряков, закупалась для внутреннего потребления в Северной Норвегии), а также складыванию новых форм промысловой деятельности. Как писал в своих воспоминаниях мурманский предприниматель Е. Могуций, в 1914 году на ярмарку, которая проходила в Архангельске в сентябре, «привезли много рыбы, жира. Но прежних покупателей из других губерний не было...». В результате, в следующую, 1915 года навигацию, несмотря на удачный для промыслов год, «промышленников съехалось на треть меньше обычного». Причина была и в мобилизациях, и в опасении, что не удастся вновь реализовать продукцию, и в тех рисках, с которыми сталкивались промысловики во время войны («В Норвегию за рыбой плавало около 150 поморских

судов, ... 2 судна подорвались на минах в гортле Белого моря») (ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об. Л. 12-14).

Однако изменившаяся продовольственная ситуация сделала промыслы затребованными. В навигацию 1916 года «подход тюленя к Мурману был небывалый. Но из Норвегии подвоз рыбы сократился» (ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об. Л. 12-14).

Причина сокращения обменной торговли с Норвегией заключалась в запрете на вывоз из страны хлеба и других видов товаров, которые выменивались поморами на рыбу. Норвежская рыба пользовалась спросом у немецких заготовителей, поэтому цена на нее возросла; из-за отсутствия бартерных грузов, поморы пытались получить деньги для закупок в банках, закладывая под немалый процент свои суда. Надежда на прибыль не оправдалась, так как в Архангельске были введены фиксированные цены на рыбу. К концу войны это привело к настоящему разорению средних и мелких судовладельцев (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. т. 5. Д. 1499. Л. 24; Ф. 4097. Оп. 1. Д. 16. Л. 3). В 1919 году вместо обычной в довоенный период ежегодной поставки более 30 тонн рыбы, из Норвегии поступило в 20 раз меньше (Шеговаров, 1920).

О том, как стали «падать» собственные промыслы, а также заготовка рыбы в Норвегии в результате «национализаций» и «социализаций» 1917 и 1918 годов, вспоминает Е. В. Могучий. Сбылась мечта социалистов – повсеместно стали организовываться кооперативы, которые свою первоначальную задачу видели в конкурентной борьбе с прежними «эксплуататорами»: «Внушали, что старые предприниматели раньше их обирали, цену на рыбу ставили очень низкую, а на свои товары высокую... У меня соль была хорошего качества, а у кооператоров плохая, но ниже в цене. Все промышленники покупали у них, а на меня опять озлились. Но потом поняли, т.к. рыба стала кислая. Но некоторые все время были враждебны ко мне» (ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об. Л. 15). Обложенные «контрибуциями» и «чрезвычайными налогами», подвергаемые разграблением своими работниками, предприниматели начали «сворачивать» свои дела на Мурмане и уезжать кто куда. Без нормальной организации промыслы вскоре практически прекратились.

Вернемся к военной эпохе, которая здесь, на европейском Севере России затянулась до 1920 года. Норвежские промышленники переориентировались на другие рынки. После окончания войны, в условиях послевоенной разрухи восстановить промыслы оказалось непросто из-за отсутствия самого элементарного. Поморы (как наиболее «цивилизованная» часть местных промысловиков) нашла возможность получения иных заработков. Обитатели северо-восточных тундр европейской России и островов СЛО в значительной степени были предоставлены сами себе. При этом, в связи с осложнениями поставки необходимых припасов и реализации продукции промыслы стали сокращаться. Этим вновь воспользовались соседи, прежде всего норвежцы, которые почти беспрепятственно занимались промыслом в русских территориальных водах.

К 1920 году добыча рыбо-звериной продукции в Архангельской губернии снизилась по сравнению с довоенными объемами втрое (Селезнев, 1931: 162). Это было связано с войной, революционными «реквизициями» и «национализациями» (в результате чего фактически исчез слой предпринимателей, которые могли организовывать промыслы), с Гражданской войной, когда рынок сбыта продукции фактически прекратился, а обменная торговля с Норвегией, которой занималось со второй половины XIX века поморское население западной части Беломорья, практически остановилась по причине отсутствия товаров для обмена и неимением валюты для прямой покупки.

Вместе с тем, были созданы особо благополучные условия для возвращения населения к традиционным рыбо-звериным промыслам. Это объяснялось не только «архаизацией» экономической жизни, когда полузабытые занятия были необходимы для жизни. Война, как ни странно, создала новые возможности для модернизации промыслового дела. С одной стороны, к этому подталкивала изоляция поморов от их основных соперников – норвежцев, ставших в какой-то момент торговыми партнерами, с другой – военные обстоятельства заставили создать в северных морях большой ледокольный флот, который после прекращения военных поставок стали отдавать в аренду рыболовным и зверобойным артелям. Один из первых примеров – артель, организованная в 1918 году группой бывших морских офицеров, которая взяла в аренду ледокольный пароход «Харитон Лаптев» и занялась промыслом тюленя (впрочем, судно вскоре было затоплено немецкой подводной лодкой, и «офицерская артель» распалась).

Ледоколы позволяли подойти к местам лежки зверя, куда промысловики на своих лодках, которыми они пользовались до 1918 года, добраться бы не смогли. В период НЭПа владелец ледоколов «Северное государственное пароходство» заключал с промысловыми артелями договоры (из процентов или на паях); в 1925-1926 годах в таком промысле участвовало 400 человек, имея при этом весьма высокий средний доход (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 547. Л. 132, 134).

На отдаленных участках побережья и на островах были построены военные базы, и их помещениями после окончания войны могли пользоваться промысловики. Была выстроена система маяков, радиотелеграфов (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1269. Л. 59), что тоже стало существенным подспорьем для промысловиков.

Главное – появилось «волевое решение». Угроза голода была настолько велика, что уже летом 1920 года Архангельским губисполкомом была поставлена задача «удесятерить вылов рыбы» (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1269. Л. 59). Как известно – «нет в мире крепостей, которые большевики не могли бы

взять» (Сталин, 1949: 58). Заставить промысловиков работать можно было «продовольственной разверсткой», неисполнение которой вело к серьезным последствиям для семьи. Это вынуждало промысловиков интенсивно трудиться, чтобы добыть необходимое для семьи, выполнить разверстку, для чего часть промыслов приходилось продавать в обмен на те предметы, которые сами они не производили и которые входили в разнарядку.

В период военного коммунизма (поскольку прибрежные районы Архангельской губернии находились в составе «белой» Северной области, эта политика стала здесь реализоваться только весной 1920 года) возникали конфликты между декретами центральной власти и местной администрацией, понимавшей специфику региона. В 1920 году часть волостей не выполнила продразверстку по рыбе в связи с отсутствием соли; в результате ее заменили маслом, что для неземледельческих волостей выполнить было нереально. Принцип продразверстки предполагал систему пайков, на которую перевели неземледельческое поморское население. Непонимание местной специфики привело к тому, что населению Терского берега выдали хлебный паек зерном, хотя здесь не было мельниц, что, естественно, усугубило недовольство жителей.

Направленные для решения вопроса о разверстке продукции промыслов инструкторы увидели плачевное положение, в котором оказалось население неземледельческих, промысловых районов: «Положение с продовольствием в [Онежском] уезде плохое, в некоторых волостях население буквально голодает. ...Население страшно страдает, глядя на них, видишь каких-то полумертвецов, а не живых людей. Были случаи голодной смерти. Население питается исключительно молотой соломой с примесью мелкой прибрежной рыбы, следствие чего – полнейшее истощение сил и желудочные заболевания. В случае непринятия мер населению грозит полное вымирание» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 129. Л. 235об.). «В приморских районах голодающих от 20 до 50%. Население питается в большинстве рыбой, в хлеб примешивают солому, мякину, мох» (ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 81); «в поморских районах... Мезенского уезда голодают свыше 10.000 человек, нищих сотни человек ходит по волости...» (ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 48).

Такая ситуация была связана с нарушением нормального товарообмена. В отличие от хлеба рыбу нельзя было долго хранить, тем более в условиях дефицита соли. Собранные по разверстке продукты промыслов хранились долгое время в неподходящих условиях и пропадали. Крестьяне лишались возможности обменять свою продукцию на нужные им товары, в первую очередь на хлеб.

Политические обстоятельства использовались колонистами для борьбы друг с другом, для вытеснения с удобных промысловых участков. Например, в годы Первой мировой войны напряжение и недоверие к иностранцам особенно усилилось, а главное – оно поощрялось властями; в результате регулярно поступали сведения, чаще всего не подтвержденные, о шпионаже норвежских колонистов в пользу Германии (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1379. Л. 31). На волне Революции происходили откровенные грабежи более богатых соседей. Пользуясь безвластьем, колонисты прогоняли пришлых промысловиков: «На становищах Мурманского берега приезжим поморам-рыбакам местные колонисты создают разного рода конфликты и всячески притесняют их. Колонисты воспрепятствуют рыбакам ремонтировать рыбацкие избушки и вообще угрожают разрушить их, т.к. они колонисты, а приезжие рыбаки должны искать другие места промыслов» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 576. Л. 445).

В Первую мировую, и особенно в Гражданскую войну, отмечалось экономическое тяготение иноэтничного коренного населения Кольского полуострова к соседям. Русские саами (лопари) чаще вступают в деловые контакты с приграничным населением Северной Норвегии, поскольку в русских городах и селах уже сложно было приобрести необходимые им товары. Беломорские карелы, и до революции тяготевшие к Финляндии, куда они уходили на заработки и для торговых операций, начиная с 1918 года активно включались в вооруженные столкновения с русскими властями – будь те «белыми» или «красными». Судя по всему, главной мотивацией к таким поступкам была возможность получения хлеба из Финляндии, а также нежелание служить в русских армиях. Терроризируемое карельскими повстанцами население (русские и лопари) были вынуждены спасаться бегством в соседней Норвегии (В Карелии..., 1920; В Печенге..., 1920).

Недовольство и антисоветские настроения населения приграничных волостей в 1920 году отмечалось повсеместно. В Печенгской волости это было связано с насильственным «переписыванием в финляндцев» в связи с передачей российско-норвежской границы Финляндии (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 186. Л. 160-172). Судя по сводкам ЧК, осенью 1920 года, «настроение населения (Ковдинской волости) крайне враждебное», Кузоменской и Умбской – «явно контрреволюционное»; на острове Кильдин «настроение неважное из-за отсутствия снабжения всем необходимым». В некоторых селениях переходили и к открытым действиям: в Койдокской волости Кемского уезда «выгнали на улицу всех сочувствующих советской власти» (ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67 Л. 77-84; Л. 90-91).

Предоставление населения самому себе, что особенно проявилось в начальный период НЭПа, способствовало некоторой самоорганизации, которая привела к решению ряда задач, которые пыталось, но неудачно решить царское правительство. Как отмечали энтузиасты, «на Севере условия для оживления местной хозяйственной самостоятельности, в силу оторванности его от центра и других местных условий, наиболее благоприятно» (Государственное объединение..., 1922: 64).

В начале 1920-х годов не было прежней имперской патерналистской политики, поскольку Советское государство не могло оказать помощь голодающим (в полном смысле этого слова) поморским волостям. Хлеб давали только в обмен на рыбу и продукцию звериных промыслов, что привело к восстановлению промыслов, при этом в достаточно примитивных формах.

До войны отхожий промысел давал крестьянам доход в два раза выше, чем поморские. Вместе с тем, падение фабрично-заводских заработков подтолкнуло жителей Архангельской губернии устремиться на побережье и принять участие в рыбной ловле и морской охоте. Эти промыслы были очень непостоянными, поскольку зависели от природных условий, и губернские власти осознавали, что с развитием лесной промышленности поморские промыслы вновь будут заброшены. Отдел рыболовства Архангельского губисполкома констатировал в 1925 году как большое количество безработных в поморских волостях, что было вызвано национализацией частных предприятий, в первую очередь флота, которые давали им работу, так и наплыв сюда «пришлых» рабочих. Превышение последних над местными было незначительно, но все же выше, чем до революции, но постепенно, с восстановлением лесной и других видов промышленности, баланс стал возвращаться (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 30-27). «Забросив в свое время ради лучшего заработка родное дело – водные промыслы – теперь, оказавшись без работы, промышленники опять вернулись к ним... К зверобойному промыслу стали возвращаться население отдаленных волостей, ходившее когда-то на этот промысел в качестве покрученников, но давно забросившее его с упадком промысла» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 30). По мнению авторов доклада, привлекательность поморских промыслов заключалась в том, что и цены на продукцию выросли до полутора раз по сравнению с довоенными, и то, что «зверобойный промысел... не требует [дорогостоящего] вооружения», чем и «привлек наибольшее число промышленников» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 30).

Наблюдалось возрождение примитивного судостроения и применение устаревших форм лова и промысла. «Недостаток и обветшание наличного промыслового флота» логично предполагал закупку судов («ёл») в Норвегии; тем более, что местное строительство оказывалось даже дороже. Однако «поморы очень тяготятся покупкой готовой ёлы и всемерно стремятся использовать взамен расхода денег свой собственный труд и строят ёлы, шняки, боты, карбасы сами, как умеют» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 170б.).

Предложение властей брать банковские кредиты на покупку норвежских судов, а также приглашать для собственного строительства инструкторов, вызывало у населения (как это отмечалось и до революции) полную апатию.

В период НЭПа неоднократно отмечалось, что «иногородний спрос на продукты местных промыслов (рыба тресковая, беломорская сельдь...) полностью не удовлетворен из-за недостатка предложения» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 740 Л. 2). Это вызывало беспокойство властей, и в 1925 году разрабатывался «Перспективный план прибрежных рыбо-зверинных промыслов», которым предусматривалось строительство консервного завода и верфи для строительства и ремонта малых поморских судов, организация при поддержке губернских организаций паевого общества по развитию рыбо-зверинных промыслов; «рыбачья школа» для подготовки квалифицированных кадров.

Значительно важнее было вернуть устоявшуюся за предвоенные годы систему поморских промыслов, в противном случае сохранялась угроза их прекращения. В частности, отмечая, что поморы все чаще «остаются по домам», не имея возможности добраться на Канинский полуостров для традиционного промысла наваги, указывалась причина: «за 20 лет они привыкли благополучно прибывать на пароходах», теперь же «некоторые пытаются добираться на карбасах, но проку от такой доставки мало» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 576. Л. 444).

Существовавшее до войны регулярное пароходное сообщение полностью восстановить не удавалось, оно поддерживалось только «в половинном размере», но промысловики и этими рейсами не пользовались: «население использует для сообщения карбасы, парусники, ждет случайных пароходов» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418. Л. 241-242). Возможно, причина была в дороговизне проезда. Это удивляло и возмущало представителя транспортного отдела Губисполкома: «До сих пор у нас странным образом уживаются идеи 20 века с фактами 18, а то и более раннего столетия. До сих пор главными путями сообщения служат водные потоки. Прошлым (1925 г.) летом повышение тарифов на пароходные перевозки привели к тому, что люди ездили на лодках за десятки даже сотни верст...!» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 81).

Мезенские промышленники, добывавшие рыбу и зверя в отдаленных местах, для длительных переездов к местам промысла по огромным бездорожным тундрам, а затем для вывоза своей добычи нанимали оленеводов-ненцев, что в первые послереволюционные годы воспринималось как «эксплуатация» и преследовалась. НЭП открыл для этого определенные возможности, но также создавал некоторые ограничения по «классовому принципу», когда искусственно выгодные заказы предоставлялись только «бедноте» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 547. Л. 103).

Ликвидация прослойки «кулаков» привела к понижению промыслов, потому что этот труд не индивидуальный, необходим хороший организатор, имеющий к тому же дорогие орудия производства. Надежда на артели не всегда оправдывалась. По сведениям инструкторов, в поморских волостях они были «дикие» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 47), и требовали специального контроля и

оформления: «Принимая во внимание печальный опыт рыбацких объединений в прошлом (т.е. в 1918 году – *Авт.*), мы пришли к мысли о необходимости ... создать и проверить на опыте работы низовые артели, после чего создать мелко-районные объединения рыбацких артелей» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 1 об.).

Разрешение на беспощинный ввоз снастей и других товаров для промыслов выдавался только трудовым коллективам, что и позволяло властям осуществлять за ними «классовый контроль». Однако без налаженной организации рыболовецкие и зверобойные артели, даже приобретая «конфискованные» у «кулаков» суда и снасти и пользуясь предоставляемыми коллективам льготами, разваливались, или же возвращали «опытного» вожака. В период НЭПа такие артели стояли друг за друга, не допуская реализации политики «помощи беднякам». Так, зверобойной артели в поморском селе Майда уездными властями было предложено убрать «двойников», то есть вторых промысловиков от хозяйства, включив вместо них местных «бедняков». Члены коллектива заявили, что «мы включать таковые семейства не желаем, а если будет посягательство с вашей стороны, то мы расторгаем договор», на что уполномоченный не решился (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 547. Л. 84-85).

Сложнее восстанавливалась традиционная хозяйственная деятельность населения Западного Беломорья, давно отошедшего от собственно промыслов и занимавшегося обменной торговлей с норвежцами. Введенный после революции запрет на беспощинную «поморскую» торговлю поспособствовал тому, что безуспешно пытались внедрить в западном Беломорье во второй половине 19 века власти: развитие интереса поморского населения к земледельческим занятиям (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 263. Л. 61). Попытка восстановить здесь старые промыслы, не связанные с обменной торговлей, успехом не увенчались: так, в 1924 году отмечалось, что рыба ловится слабо, не окупается даже покупка промысловых билетов, поэтому у населения наблюдается ориентация на сельское хозяйство (ГААО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 80). Таким образом, уничтожение традиционной промысловой деятельности, явно наметившееся уже до революции, подходило к своему естественному итогу.

Для собственно поморских промыслов особую опасность, кроме хозяйственной разрухи, представляли норвежцы и англичане, которые почти беспрепятственно заходили в русские территориальные воды и создавали конкуренцию для русских. Как отмечалось в докладе Архангельского губисполкома, «После мировой войны норвежцы осмелели...» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 27).

Пограничная охрана была слаба, море практически не контролировалось. Сведения о браконьерстве получали от местного населения. В 1924 году был зафиксирован «случай хищнического нападения на стада. Обнаружено судно у берегов острова, которое на следующий день ушло, оставив на берегу головы, ноги и шкуры оленей. Убито 25 голов» (ГААО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 2. Л. 125-126).

Постоянно приходили непроверенные сведения о попытке норвежцев завязать за спиной у государственных органов торговые отношения с ненцами и русскими промысловиками.

Браконьерство норвежцев в российских территориальных водах приобрело широкие размеры. Даже в условиях практически отсутствия возможностей контроля за ними, были случаи, когда пограничники задерживали норвежцев. Летом 1921 года были «задержаны норвежские суда за добычу зверя в Российских водах. Конфискована добыча, наложен штраф по 30 тысяч золотых рублей. Капитаны категорически отказываются платить, мотивируя неимением такой суммы», а также «утверждают, ссылаясь на международные законы, что имеют право промысла даже в Белом море в трехмильном расстоянии от берега...» (Что, впрочем, не соответствовало законам ни Российской Империи, ни РСФСР) «Команды настойчиво требуют отправки в Норвегию». Архангельский губисполком высказывал по этому вопросу свою позицию: «Команды отправить, суда задержать» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 204. Л. 46; Д. 186. Л. 350).

Не в состоянии справиться с незаконным ловом иностранцев в открытом море, правительство решило узаконить «браконьерства в форме концессий», поскольку это было «единственным приемлемым выходом, позволяющим существенно ограничить браконьерство, и принудить норвежцев и англичан к признанию новых советских границ территориальных вод, считалось» (Репневский..., 2011: 22). С этим категорически были не согласны губернские власти, обвиняя норвежцев в «хищнических формах боя морского зверя» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 27), а также разработав программу «Будущее русского зверобойного промысла на Севере в связи с норвежскими зверобойными концессиями в горле Белого моря».

Эта программа во многом легла в основу последующей экономической политики в отношении промысловиков, вылившейся в создании рыболовецких колхозов, некоторые из которых до сих пор благополучно существуют в отдаленных поморских челах.

5. Заключение

Политическое, экономическое, военное усиление Советского государства сняло опасность потери территорий, в том числе на северо-западе страны. В послереволюционный период такая опасность существовала, и в значительной степени она не была реализована, потому что несмотря на все сложности коренное население не покинуло эти территории, своей хозяйственной деятельностью подтверждая статус Европейского севера как естественной части Русского государства.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-6382.2018.6 «Реконструкция символических и политических границ морских и островных пространств Западного сектора Российской Арктики в XIX – начале XX вв.).

Литература

- Ануфриев, 1913** – Ануфриев И. Мурманские промыслы и территориальная полоса океана. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1913. № 4. С. 154-155.
- Богораз, 1921** – Богораз В.Г. Новые задачи Российской этнографии в полярных областях. // *Труды Северной научно-промысловой экспедиции*. Вып. 9. Пг., 1921. С. 17.
- В Карелии..., 1920** – В Карелии. // *Возрождение Севера: Ежедневная областная общесоциалистическая газета*. 1920. 14 января
- В Печеньге..., 1920** – В Печенге. // *Возрождение Севера: Ежедневная областная общесоциалистическая газета*. 1920. 30 января.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГААО ОДСПИ** – Государственный архив Архангельской области, Отдел документов социально-политической истории.
- Государственное объединение..., 1922** – Государственное объединение «Северолес» // *Северный край*. 1922. Кн. 3. С. 64.
- Држевецкий, 1910** – Држевецкий В. Рыбные промыслы Мурмана и его колонизация. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1910. № 21. С. 7, 10.
- Жилинский, 1919** – Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 248.
- Зайков, 2018** – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – начала XXI века. // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2018. №2. С. 27-39.
- Зайков, 2018a** – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX – начала XXI вв. // *Арктика и Север*. 2018. №30. С. 60-75.
- Зограф, 1909** – Зограф Н. Нужды нашего северного рыболовства. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. № 2. С. 19-20, 23-24.
- Карелин, Зайков, 2016** – Карелин В.А., Зайков К.С. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века. // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 1. С. 32-41.
- Кастрен, 1999** – Кастрен М.А. Лапландия. Карелия. Россия. Сочинения. Т. 1. Тюмень, 1999.
- Козмин, 1913** – Козмин К. Былое: Из жизни Архангельского Севера. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1913. № 24. С. 1045.
- Культура русских поморов..., 2005** – Культура русских поморов: опыт системного исследования. М., 2005.
- Ломберг, 1911** – Ломберг М.П. Из воспоминаний о службе в Архангельской губернии. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1911. № 13. С. 31, 33-36.
- Мухин, 1913** – Мухин А.А. Рыбачко-мореходные школы на Мурмане. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1913. № 22. С. 977.
- Несколько слов..., 1911** – [С.З.] Несколько слов о мурманском промысле. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1911. № 12. С. 967-972.
- Нильсен, Зайков, 2012** – Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к поморской зоне. // *Арктика и Север*. 2012. № 5. С.71-84.
- Остров..., 1909** – Остров Новая Земля и его колонизация. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. № 3. С. 5-26.
- Полное собрание..., 1885** – Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ.). Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 277.
- Попов, 2012** – Попов Г.П. Роль архангельских губернаторов в закреплении за Россией западного сектора Арктики. Архангельск, 2012. 142 с.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Репневский, Репневский, 2011** – Репневский А.В., Репневский И.А. Поморы против зверобойной концессии «Винге и Ко» (по страницам журнала «Северное хозяйство», 1923) // VII Ушаковские чтения. Мурманск, 2011.
- Селезнев, 1931** – Селезнев С.А. Очерки хозяйства Северного края. Основные отрасли хозяйства. Архангельск, 1931.
- Сосновский, 1909** – Что нужно для колонизации Мурмана? Мурман и его нужды (составлено по докладной записке губернатора И.В. Сосновского Министру внутренних дел). // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. № 2. С. 7-8.

Сталин, 1949 – Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М., 1949.

Трошина, 2015 – Трошина Т.И. «За Единую и Неделимую»: усилия государственных и общественных институтов Северной Области по противодействию территориальному раздроблению и экономической зависимости Архангельской губернии // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность. Архангельск, 2015. С. 229-244

Трошина, 2011 – Трошина Т.И. Проведение самостоятельной внешнеторговой политики Архангельским губисполкомом на последнем этапе Гражданской войны (1920-1921). // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сборник материалов международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 307-310.

Федоров, 2017 – Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии). // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53-75.

Федоров, 2009 – Федоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI-XX вв. Мурманск, 2009. 388 с.

Федоров, 2015 – Федоров П.В. Кольский Север в общественной мысли Российской империи (вторая половина 19 – начало 20 в.). // Север России – один из источников ее развития и единения ее народов: мат-лы научно-практической конференции. Мурманск, 2015. С. 134-145.

Шеговаров, 1920 – Шеговаров Д. Экономическая жизнь области за 1919. // Возрождение Севера: Ежедневная областная общесоциалистическая газета. 1920. 1 января.

Goldin et al., 2015 – Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody*. 2015. №37 (3). pp. 519-535.

Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. Local society between empire and Nation-state: The Russian–norwegian borderland in the context of bilateral international relations in the far North, 1855–1905. // *Ab Imperio*. 2017. №4. pp.139-175.

Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K., Tamitskiy A. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. // *Bylye Gody*. 2017. № 45 (3). pp.915-927.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K., Tamitskiy A. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. // *Bylye Gody*. 2016. № 41 (3). pp.629-641.

Zaikov, 2016 – Zaikov K. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822-1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. // *Bylye Gody*. 2016. № 42 (4). pp.1164-1172.

References

Anufriev, 1913 – Anufriev I. (1913). Murmanskские промыслы i territorialnaya polosа okeana [Murmansk crafts and territory ocean line]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1913. № 4. pp. 154-155. [in Russian]

Bogoraz, 1921 – Bogoraz V.G. (1921). Novye zadachi Rossiyskoy etnografii v polyarnykh oblastiakh [The new tasks of the Russian ethnography in the Polar regions]. *Trudy Severnoy nauchno-promyslovoy ekspeditsii*. Vyp. 9. Pg, 1921. p. 17. [in Russian]

V Karelii..., 1920 – V Karelii [In Karelia]. *Vozrozhdenie Severa: Yezhednevnyaya oblastnaya obshchesotsialisticheskaya gazeta*. 1920. 14 yanvarya. [in Russian]

V Pechenge..., 1920 – V Pechenge [In Pechenga]. *Vozrozhdenie Severa: Yezhednevnyaya oblastnaya obshchesotsialisticheskaya gazeta*. 1920. 30 yanvarya. [in Russian]

GAO – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti [State archive of the Arkhangel'sk region]. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. [in Russian]

GAO ODSPI – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti, Otdel dokumentov sotsialno-politicheskoy istorii [State archive of the Arkhangel'sk region, Department of the Documents Related to the Social and Political History]. [in Russian]

Gosudarstvennoe obedinenie..., 1922 – Gosudarstvennoe obedinenie «Severoles» [State association «Severoles»]. *Severnyy kray*. 1922. Kn. 3. p. 64. [in Russian]

Drzhevetskiy, 1910 – Drzhevetskiy Vs. (1910). Rybnye промыслы Murmana i ego kolonizatsiya [Fisheries in Murmansk and its colonization]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 21. p. 7, 10. [in Russian]

Zhilinskiy, 1919 – Zhilinskiy A.A. (1919). Krayniy Sever Yevropeyskoy Rossii. Arkhangel'skaya guberniya [The Far north of the European part of Russia. Arkhangel'sk province]. Petrograd. [in Russian]

Zaykov, 2018 – Zaykov K.S. (2018). Rossiysko-norvezhskoe pograniche v otechestvennoy istoriografii XIX – nachala XXI veka [Russian-Norwegian borderland in Russian historiography of the 19th – early 21st centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsialnye nauki*. №2. pp. 27-39. [in Russian]

[Zaykov, 2018a](#) – *Zaykov K.S.* (2018). Rossiysko-norvezhskoe pograniche v zarubezhnoy istoriografii XX – nachala XXI vv. [Russian-Norwegian borderland in Russian historiography of the 20th – early 21st centuries]. *Arktika i Sever*. №30. pp. 60-75. [in Russian]

[Zograf, 1909](#) – *Zograf N.* (1909). Nuzhdy nashego severnogo rybolovstva [The needs of our northern fishery]. // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 2. pp. 19-20, 23-24. [in Russian]

[Karelin, Zaykov, 2016](#) – *Karelin V.A., Zaykov K.S.* (2016). Problema saamskikh servitutnykh prav v pogranichnykh otnosheniyakh Rossii i Norvegii v nachale XX veka [Sami easements in the history of Russian-Norwegian border relations in the early 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsialnye nauki*. № 1. pp.32-41. [in Russian]

[Kastren, 1999](#) – *Kastren M.A.* (1999). Laplandiya. Kareliya. Rossiya [Lapland. Karila. Russia]. / M.A. Kastren. Sochineniya. T. 1. Tyumen, 1999. [in Russian]

[Kozmin, 1913](#) – *Kozmin K.* (1913). Byloe: Iz zhizni Arkhangel'skogo Severa [The past: From the Arkhangelsk North life]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 24. p. 1045. [in Russian]

[Kultura russkikh pomorov..., 2005](#) – *Kultura russkikh pomorov: opyt sistemnogo issledovaniya* [The culture of the Russian pomor people: practice of the system research]. M., 2005. [in Russian]

[Lomberg, 1911](#) – *Lomberg M.P.* (1911). Iz vospominaniy o sluzhbe v Arkhangel'skoy gubernii [From memories of service in Arkhangelsk province]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo severa*. № 13. pp. 31, 33-36. [in Russian]

[Mukhin, 1913](#) – *Mukhin A.A.* (1913). Rybatsko-morekhodnye shkoly na Murmane [Fishing and seaworthy schools on Murman]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 22. p. 977. [in Russian]

[Neskolko slov..., 1911](#) – [S.Z.] Neskolko slov o murmanskom promysle [A few words about the Murmansk trade]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1911. № 12. pp. 967–972. [in Russian]

[Nilsen, Zaykov, 2012](#) – *Nilsen Y.P., Zaykov K.S.* (2012). Norvezhsko-rossiyskoe arkticheskoe pograniche: ot obshchikh okrugov k pomorskoy zone [The Norwegian-Russian Arctic Borderland: from the common districts till Pomor zone]. *Arktika i Sever*. № 5. pp.71-84. [in Russian]

[Ostrov..., 1909](#) – *Ostrov Novaya Zemlya i ego kolonizatsiya* [Novaya Zemlya island and its colonization]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1909. № 3. pp. 5-26. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1885](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)*. [The complete collection of the Russian Empire laws]. T. 1. Sobr. 3. SPb., 1885. № 277. [in Russian]

[Popov, 2012](#) – *Popov G.P.* (2012). Rol arkhangel'skikh gubernatorov v zakreplenii za Rossiy zapadnogo sektora Arktiki [The role of the Arkhangelsk governors in securing Russia for the Arctic western sector]. Arkhangelsk. [in Russian]

[RGASPI](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii [Russian state archive of the social and political history]. [in Russian]

[Repnevskiy, Repnevskiy, 2011](#) – *Repnevskiy A.V., Repnevskiy I.A.* (2011). Pomory protiv zveroboynoy kontsessii «Vinge i Ko» (po stranitsam zhurnala «Severnoe khozyaystvo», 1923) [Pomor people against the mammal concession «Winge and Co» (from the pages of the magazine «Northern economy», 1923)]. // VII Ushakovskie chteniya. Murmansk. [in Russian]

[Seleznev, 1931](#) – *Seleznev S.A.* (1931). Ocherki khozyaystva Severnogo kraya. Osnovnye otrasli khozyaystva [Essays on the economy of the Northern Territory. The main economy branches]. Arkhangelsk. [in Russian]

[Sosnovskiy, 1909](#) – *Chto nuzhno dlya kolonizatsii Murmana? Murman i ego nuzhdy* (sostavleno po dokladnoy zapiske gubernatora I.V. Sosnovskogo Ministru vnutrennikh del) [What does one need to colonize Murman? Murman and its needs (compiled according to the memorandum of Governor IV Sosnovsky to the Minister of Internal Affairs)]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1909. № 2. pp. 7-8. [in Russian]

[Stalin, 1949](#) – *Stalin I.V.* (1949). Cochineniya [Essays]. T. 11. M. [in Russian]

[Troshina, 2015](#) – *Troshina T.I.* (2015). «Za Yedinuyu i Nedelimuyu»: usiliya gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov Severnoy Oblasti po protivodeystviyu territorialnomu razdrobleniyu i ekonomicheskoy zavisimosti Arkhangel'skoy gubernii [«For the Unified and Indivisible»: the efforts of state and public institutions of the Northern Region to counteract the territorial fragmentation and economic dependence of the Arkhangelsk Province]. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Yevropeyskom Severe i v Arktike v pervoy chetverti XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost*. Arkhangelsk: NArFU. pp. 229-244. [in Russian]

[Troshina, 2011](#) – *Troshina T.I.* (2011). Provedenie samostoyatel'noy vneshnetorgovoy politiki Arkhangel'skim gubernskim komitatom na poslednem etape Grazhdanskoy voyny (1920-1921) [Carrying out an independent foreign trade policy by the Arkhangelsk Provincial Executive Committee at the last stage of the Civil War (1920-1921)]. // *1921 god v sudbakh Rossii i mira: ot Grazhdanskoy voyny k poslevoennomu*

miru i novym mezhdunarodnym otnosheniyam: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Murmansk: MGGU. pp. 307-310. [in Russian]

Fedorov, 2017 – Fedorov P.V. (2017). O poyavlenii russkogo rubezha v Laplandii (po sledam odnoy diskussii) [About the appearance of the Russian border in Lapland (some of the results of the discussion)]. *Arktika i Sever*. № 26. pp. 53-75 [in Russian]

Fedorov, 2009 – Fedorov P.V. (2009). Severnyy vektor v rossiyskoy istorii: tsentr i Kolskoe Zapolyare v XVI-XX vv. [Northern vector in the Russian history: the center and the Kola Peninsula in the 16th-20th centuries]. Murmansk: MGPU. 388 p. [in Russian]

Fedorov, 2015 – Fedorov P.V. (2015). Kolskiy Sever v obshchestvennoy mysli Rossiyskoy Imperii (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 v.) [Kola North in the social thought of the Russian Empire (second half of the 19 – early 20 century)]. *Sever Rossii – odin iz istochnikov ee razvitiya i edineniya ee narodov: mat-ly nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Murmansk. pp. 134-145. [in Russian]

Shegovarov, 1920 – Shegovarov D. (1920). Ekonomicheskaya zhizn oblasti za 1919 [Economic life of the region for 1919]. *Vozrozhdenie Severa: Yezhednevnyaya oblastnaya obshchesotsialisticheskaya gazeta*. 1 yanvarya. [in Russian]

Goldin et al., 2015 – Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A. (2015). Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. №37 (3). pp. 519-535.

Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. (2017). Local society between empire and Nation-state: The Russian–norwegian borderland in the context of bilateral international relations in the far North, 1855–1905. *Ab Imperio*. №4. pp. 139-175.

Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K., Tamitskiy A. (2017). Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye Gody*. № 45 (3). pp. 915-927.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K., Tamitskiy A. (2016). Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 629-641.

Zaikov, 2016 – Zaikov K. (2016). The History of the Northern Frontier Delimitation (1822-1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. № 42 (4). pp. 1164-1172.

«Последняя грань Российской цивилизации»: экономический и демографический аспекты территориальной целостности государства на крайнем северо-востоке

Татьяна Игоревна Трошина ^{a, *}, Наталья Сергеевна Авдонина ^a, Максим Юрьевич Задорин ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье на большом объеме архивных материалов рассматривается проблема сохранения приграничных российских территорий в условиях государственных кризисов. Объектом исследования являются северо-западные территории Европейской России, которые привлекали интерес ближайших соседей своими промысловыми ресурсами. Проживающие на западе ареала этнические группы, сохраняя свое культурное своеобразие, постепенно включались в русский супер-этнос, чему способствовала государственная политика. Экономическое освоение и заселение западной части ареала выходцами из соседних государств создавало опасность постепенного отделения этих территорий – сначала культурного и экономического, а затем и политического от Российского государства.

Правительственные мероприятия были нацелены прежде всего на защиту политических границ; при этом, первые десятилетия XX века дают немало примеров утраты ослабевшими государственными образованиями своих приграничных территорий на основе различных «плебисцитов». Поэтому сохранение на «спорных территориях» представителей титульной нации, их экономическая независимость и самостоятельность превращалось в важнейший фактор государственной целостности. В статье этот тезис подтверждается путем проведенного сравнения экономического положения населения северных территорий Архангельской губернии в относительно благополучный период второй половины XIX и начала XX века, и в экстремальных условиях потенциального разрушения государственности (взяв в качестве исследовательской «площадки» события военно-революционной эпохи (1914–1920 гг.) и раннего этапа «новой экономической политики»).

Ключевые слова: границы Западного сектора Российской Арктики, приграничные территории Северного Ледовитого океана, экономическая политика, поморские промыслы, Архангельская губерния.

* Corresponding author

E-mail addresses: t.troshina@narfu.ru (Т.И. Трошина), n.avdonina@narfu.ru (Н.С. Авдонина), m.zadorin@narfu.ru (М.Ю. Задорин)